

Тайна смерти Горького*

Количество работ, посвященных теме смерти М. Горького, огромно, но большая их часть не опирается на серьезные документальные данные. Только после того, как в годы перестройки были обнародованы рассекреченные материалы из архива ОГПУ, довольно убедительная версия естественной смерти писателя, которую 70 лет поддерживало советское литературоведение, стала вызывать все больше сомнений. Впрочем, и ранее многие исследователи придерживались мнения, что смерть Горького была насильственной. До сих пор наиболее распространенной является версия, согласно которой писателя убил Сталин, который, якобы, боялся, что Горький перестанет молчать и сообщит Западу правду о событиях в Советском Союзе. Попробуем разобраться в этом непростом вопросе, учитывая новые архивные документы и руководствуясь одной задачей: выяснить, кому же на самом деле нужна была смерть писателя летом 1936 г.

Если отбросить легенды и домыслы, обратившись к разным версиям в их *первоисточниках*, они сведутся к трем:

1. Официальная точка зрения советской печати, согласно которой Горького устранили «прихвостни и агенты буржуазии», «предатели социалистической революции», «троцкисты и правые» по приказу Л. Троцкого. В убийстве Горького на процессе 1938 г. были обвинены Н. Бухарин, А. Рыков, Г. Ягода, П. Крючков, лечащие врачи Л. Г. Левин и Д. Д. Плетнев¹.

2. «Умерщвление» по приказу Сталина, хитроумно осуществленное Г. Г. Ягодой и его подчиненными (в их число в последнее время включают даже М. И. Будберг, считая ее тайным агентом ОГПУ)².

3. Естественная смерть в результате двустороннего воспаления легких, которого не вынес старческий организм, ослабленный протекавшим туберкулезным процессом.

Автором первой версии является, по всей вероятности, И. В. Сталин. В официальной советской пропаганде она была использована для борьбы с его политическими противниками и устранения Н. Бухарина,

* Впервые: Литературная газета. 2011. № 44. 15–22 марта — под названием «Бацилла для Буревестника». Печатается в переработанном виде.

¹ См.: Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока. М.: Юридич. изд-во НКЮ СССР, 1938.

² Баранов В. Баронесса и Буревестник. М.: Вагриус, 2006.

А. Рыкова, Л. Каменева, Г. Зиновьева. Она активно развивалась в центральных советских изданиях 1930-х гг. и была изложена в книге М. Кольцова «“Буревестник”: Жизнь и смерть Максима Горького», вышедшей в 1938 г. сразу после нашумевшего политического процесса над т. н. «правотроцкистским блоком».

Вторая версия создана, в противовес первой, Л. Троцким. Ссылаясь на свидетельства людей, близких к наркому внутренних дел Г. Ягоде, он рассказал о существовании в ОГПУ секретной токсикологической лаборатории, яды которой «помогали» многим видным советским деятелям уйти из жизни. Троцкий считал, что в процессе болезни Горького Сталин «слегка помог разрушительной силе природы»³. Эта версия развивалась также в романе Луи Арагона «Гибель всерьез» («Умерщвление») и, обрастая разного рода дополнительными соображениями, дожила до наших дней.

Наконец, третья версия — естественной смерти писателя — со слов профессора Д. Д. Плетнева создана М. И. Будберг, неотлучно находящейся возле умирающего писателя. Эту концепцию подтверждают В. Ходасевич и Н. Берберова. В романе «Железная женщина» она склоняется к выводу о естественной смерти Горького, хотя и допускает, что Сталин мог приблизить роковой конец. Берберова пишет: «Кровохарканье, ослабление сердечной деятельности, а также двустороннее воспаление легких кажутся в свете прежних заболеваний Горького и застарелого туберкулеза естественными причинами смерти»⁴. Берберову поддерживает Ходасевич: «Он умер от воспаления легких. Несомненно, была связь между его последней болезнью и туберкулезным процессом, который у него обнаружился в молодости. Но этот процесс был залечен лет сорок тому назад...»⁵.

Третья версия оказалась удобной во всех отношениях, тем более что после вскрытия тела врачи обнаружили, что легкие писателя были в ужасающем состоянии. После смерти сына Горький чувствовал себя очень плохо, ходил, тяжело опираясь на палку, постоянно пользовался кислородными подушками. Было ясно, что жить ему осталось недолго. Но недолго, не значит — лето 1936 г. Да и могла ли Будберг сказать правду о последних днях Горького, не боясь быть заподозренной в причастности к его смерти?

³ Троцкий Л. Портреты революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1988. С. 101.

⁴ Берберова Н. Железная женщина. Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях. Нью-Йорк, 1981. С. 269.

⁵ Ходасевич В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Согласие, 1997. С. 158.

Обстоятельства болезни и смерти Горького подробно освещаются в труде «Вокруг смерти Горького (Документы, факты, версии)»⁶. В нем впервые опубликованы документы, позволяющие восстановить эти дни довольно точно: газетные сообщения, «История болезни» писателя, акт вскрытия, заключение о смерти, воспоминания врачей М. П. Кончаловского, А. Д. Сперанского, Л. Г. Левина, Д. Д. Плетнева, а также близких, находившихся в доме (Е. П. Пешковой, М. И. Будберг, О. Д. Чертковой, секретаря П. П. Крючкова), записи коменданта дома на Малой Никитской И. М. Кошенкова и личного шофера Г. А. Пеширова. Все эти материалы помогают воссоздать более или менее объективную картину смерти Горького.

В конце мая 1936 г. Горький жил в Крыму и не собирался в Москву, хотя скучал без внучек. Внезапно ему сообщили об их болезни. Алексей Максимович встревожился: после гибели сына он воспринимал такие известия подозрительно. Писатель догадывался, что смерть Максима была не случайной, подозревал Ягоду и его «подручных». Неужели теперь — внучки? Горький сразу стал собираться в дорогу, хотя для его здоровья это был большой риск. 27 мая 1936 г. он вышел в Москве из вагона и тут же спросил: «Дети приехали?» — «Нет». «Что все еще больны?» В доме на Малой Никитской Горький сразу зашел в детскую, хотя его отговаривали, боясь, что он заразится. 1 июня 1936 г. по дороге на дачу в Горки-10 всей семьей заехали на Новодевичье кладбище. Дул холодный ветер, писатель поживался, а вечером у него поднялась температура. На третий день болезни стало ясно, что дело серьезное. Г. Ягода распорядился пригласить в Горки-10 кремлевских докторов.

Можно предположить, что Горький заболел, заразившись от внучек. Младшая Дарья продолжала болеть на даче. Из записей Кошенкова ясно, что за течением болезни внимательно следили. Чекист, бывший сотрудник журнала «Наши достижения», Кошенков работал комендантом в доме на Малой Никитской и ежедневно записывал все, что происходило. Будучи связным между Горками-10, где умирал писатель, и остальным миром, комендант фиксировал не только факты, но и детали специфической атмосферы, которая окружала семью Пешковых. Это была атмосфера «золотой клетки», в которой под постоянным наблюдением никто не чувствовал себя свободно. Кто управлял событиями за кулисами, Кошенков и окружавшие его люди, не знали, но безошибочно чувствовали присутствие чьей-то злой воли.

⁶ Вокруг смерти Горького. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001.

За ходом болезни не просто следили. Был определенный круг лиц, заранее уверенных в летальном исходе и даже знающих дату неизбежной смерти. Иначе как объяснить злобещие бюллетени в газетах, печатавшиеся с 6 июня (от Горького их скрывали) и телефонные звонки с соболезнованием о кончине, которая, по-видимому, должна была наступить 8 июня. В воспоминаниях Кошенкова зафиксировано несколько фактов, вызывающих по меньшей мере недоумение: 3 июня архив писателя был вывезен из дома на Малой Никитской, 6. Коменданта удалили на несколько часов, чтобы он не позвонил в Горки и не поинтересовался, делается ли это с разрешения Алексея Максимовича. Телефон 2-88-60, как выяснилось впоследствии, был неисправен с 31 мая до 8 июня, а комендант даже не догадывался об этом. Кошенков не рискнул спросить, куда увозят бумаги, подозревая, что это делается по распоряжению Ягоды, но предположил, что Горький тяжело заболел. Между тем изъятие архива означало лишь одно: хозяин больше в этот дом не вернется.

Болезнь Горького развивалась стремительно: первоначальный диагноз «грипп и бронхопневмония» осложнился впоследствии явлениями сердечной недостаточности. К летальному исходу привело сильное кровотечение, которое вызвало отек легких и паралич сердца. В «Клиническом диагнозе» и «Медицинском заключении о смерти» говорится также о *тяжелой инфекции* и связанной с ней инфекционной нефропатии. Совершенно ясно, что в доме была какая-то инфекция. Название ей дали, когда один за другим стали заболевать служащие в Горках-10: комендант, жена коменданта, повар, горничные. К 17 июня на даче болело уже семь человек. По словам Кошенкова, всех больных вывезли в Москву с одинаковым диагнозом — ангина, который поставила врач Кремлевской больницы М. А. Введенская, лечившая девочек. Их держали в изоляторе НКВД, не хотели выписывать бюллетени, не разрешали никуда выходить, а коменданту велели после них продезинфицировать сиденья в машине.

С утра 6 июня телефон на Никитской не умолкал. Кошенкову приходилось отвечать на вопросы, странно сформулированные: «Что Алексею Максимовичу не хуже еще?», «Что в Горках, не хуже?» Несколько раз звонил взволнованный Бухарин, говоря: «Куда направлять телеграмму: Форос или вам, по московскому адресу?», а потом объяснил: «Нам сообщили в редакцию, что конец печален. Умер Алексей Максимович»⁷. Такое же сообщение пришло в редакцию «Крестьянской газеты». Кошенков недоумевает: «Сегодня по телефону третьи спрашивают: “Когда скончался Алексей

⁷ Там же. С. 112–113, 116.

Максимович?” Много телеграмм из Харькова — одни по содержанию текста: Сочувствуем и разделяем с семьей потерю близкого, родного Алексея Максимовича»⁸.

Резкое ухудшение, действительно, наступило 8 июня: Горький умирал. Состоялся очередной консилиум, причем врачи так и не пришли к общему мнению. Из Горок сообщили: «Точного диагноза болезни никто не дает»⁹. Когда надежды не было никакой, а врачи ушли вниз, медсестра О. Д. Черткова ввела больному 20 кубиков камфары, и он начал оживать. В это время сообщили, что умирающего приехали навестить И. Сталин, К. Ворошилов и В. Молотов. Горький разговаривал с вождями, как здоровый, просил решить вопрос о дешевом издании «Истории гражданской войны». Сталин потребовал принести шампанского, чтобы выпить за здоровье Горького. О. Д. Черткова пишет: «В дверях в кабинет он спросил Крючкова: “А кто это сидит рядом с А. М. в черном? Монашка что ли?” Крючков разъяснил, что это М<ария> И<гнатъевна>. “Свечки только в руках не хватает”, — сказал Сталин. А про меня спросил: кто такая? Крючков объяснил, что я за А. М. ухаживаю. «Всех отсюда вон, — сказал С<тал>ин, кроме этой, в белом (я была в белом халате), что за ним ухаживает”. Принесли шампанское. Они чокнулись с А. М. “Вам, пожалуй, лучше не пить”, — сказал С<тали>н А. М-чу. Тот только пригубил. В столовой С<талин> увидел Генриха. “А этот зачем здесь болтается? Чтобы его здесь не было. Ты мне за все отвечаешь головой”, — сказал он К<рючко>ву. Генриха он не любил»¹⁰.

Как-то не вяжется этот рассказ с обликом «убийцы Сталина», который пришел убедиться, что Ягода, Будберг и Крючков выполнили данное им задание. Почему он стал ругать Крючкова и потребовал выгнать Ягodu? Почему так отнесся к Будберг, если, по утверждению Берберовой, та привезла для него чемодан с горьковским архивом, где были материалы, компрометирующие его политических врагов. Существует мнение, что Горький, долго питавший к Будберг нежные чувства, вызвал ее в Москву, чтобы проститься перед смертью.

Дело, однако, было не в чувствах, которые с его стороны уже угасли, а с её — вряд ли существовали. Речь шла о той части архива, которую Горький, окончательно уезжая из Сорренто, оставил на хранение Будберг. После смерти Пешкова и убийства Кирова писатель потребовал вернуть чемодан. Будберг приехала в апреле 1936 г., когда писатель

⁸ Там же. С. 135.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 80.

был еще здоров и жил в Тессели. Об этом свидетельствует Черткова, находившаяся постоянно при писателе. Рукописей Будберг не вернула, поэтому при свидании разразилась ссора. Она сразу же отправилась в Москву и вновь приехала лишь к умирающему Горькому. Сидя рядом с ним в черной одежде, она, несомненно, знала, что он умирает, и добивалась от него завещания в свою пользу на гонорары от зарубежных изданий.

А что же Сталин? Вождю явно было нужно что-то узнать у писателя. 10 июня в 2 часа ночи он вновь приехал в Горки. Горький спал. И хотя Левин предложил разбудить больного, Будберг воспротивилась. Ее поддержали профессора Ланг и Кончаловский. Сталину было сказано, что писателя нельзя беспокоить. 12 июня, когда Горький, оправившись после кризиса, чувствовал себя довольно хорошо, Сталин и Кю приехали в третий раз. Будберг ушла из комнаты, но подслушивала у дверей. Она вспоминает, что Горький «сперва заговорил о работе Шторма по истории крестьянства, а потом перешел к положению французского крестьянина»¹¹. Посетители вышли через восемь минут: разговор не состоялся. Горький был «застигнут на все пуговицы», просил О. Д. Черткову записывать даже его предсмертный бред. В эти дни он почти не спал, держась в сознании гигантским усилием воли.

Чего добивался от него Сталин? Сведений о заговоре против него, который готовила оппозиция? Тех бумаг, которые хранила Будберг? Говоря о рукописях, за которыми шла охота, И. М. Гронский обмолвился в 1963 г.: «...мы их и сейчас не имеем — он уклонялся от разговора. Мы пытались выяснить, но до сих пор не знаем, куда они ушли и у кого находятся. Если бы мы знали, мы бы их купили»¹². Горький, действительно, уклонялся от разговора об архиве, не давал никаких распоряжений и не оставлял завещания. 15 июля Кошенкова испугал анонимный звонок: «Вы что сидите на Никитской. Помогайте!» И перед тем, как положить трубку, незнакомец еще добавил: «Сволочи!»¹³. В эти дни врачи окончательно потеряли нить болезни. События разворачивались стремительно. 16 июня Кошенкова озадачил звонок из Кремля: «Телефон Горького? — Да. — Что, достигаете желанного, подлецы!» Испуганный комендант позвонил в Горки. В 12 часов ночи к аппарату подошла Н. А. Пешкова: «Передайте всем, у нас хорошо»¹⁴. А утром 17 июня у Горького хлынула горлом кровь.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Архив А. М. Горького. МоГ-3-25-5.

¹³ Вокруг смерти Горького. С. 145.

¹⁴ Там же. С. 147-148.

В официальном «Медицинском заключении о смерти А. М. Горького» говорится о гриппе, который осложнился впоследствии катаром верхних дыхательных путей и *тяжелой инфекцией*, о чем свидетельствовали «повторные исследования крови». Смерть наступила «при явлениях паралича сердца и дыхания»¹⁵.

Загадку смерти писателя помогли разгадать два любопытных документа, вклеенных Л. Г. Левиным в «Историю болезни» Пешкова Алексея Максимовича, заведенную в Кремлевской поликлинике под № 631. Первый из них помечен 8 июня, т.е. написан в тот день, когда Горького чудом вернули к жизни. Это обращение заведующего консульским отделом СССР во Франции П. И. Бирюкова начальнику Лечсанупра Кремля И. И. Ходоровскому с предложением использовать для лечения больного «сыворотку против гриппа», разработанную в Париже врачом Онг-Гвае-Свяном. Он писал: «Врач этот работает в госпитале Бруссэ и аттестуется людьми, которым мы доверяем, с самой хорошей стороны, как человек, симпатизирующий Советскому Союзу. Поскольку дело это срочное, и мы сами разобратся здесь в качествах предлагаемой сыворотки и возможности ее использовать — не в состоянии, направляю Вам 9 ампул предложенного нам лекарства на Ваше усмотрение»¹⁶. К письму была приложена записка Онг-Гвае-Свяна на французском языке с объяснением способа употребления сыворотки.

Из воспоминаний Кошенкова мы знаем, что много врачей обращались с предложением помочь умирающему писателю, но всем им отказывали. Не странно ли, что методу лечения гриппа (а диагноз, поставленный Левиным с самого начала болезни, был именно «грипп, осложненный бронхопневмонией») никому не ведомого, а возможно и несуществующего голландского гражданина китайца Онг-Гвае-Свяна была дана зеленая улица?

Сыворотку доставили в СССР и, по-видимому, ввели Горькому. Иначе зачем было Левину вклеивать эти документы в «Историю болезни» писателя? Не после ли этой инъекции в «Клиническом диагнозе» появилась запись «Инфаркт легких» (?). Не с этим ли связан странный телефонный звонок из Кремлевки, который так озадачил Кошенкова 16 июня: «Что, достигаете желанного, подлецы?»

В «Историю болезни» вклеен еще один документ, датированный 26 июня 1936 г., т.е. через восемь дней после смерти Горького. Это служебная записка за подписью заведующей кремлевской лабораторией Боровской, направленная начальнику Лечсанупра Кремля

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 100.

Ходоровскому. В ней говорится: «Полученная из Парижа сыворотка от больных, выздоровевших после гриппа, в количестве 9 ампул, была проверена на стерильность и безвредность. Из одной ампулы был сделан контрольный посев на различные питательные среды, которые остались стерильны. Для проверки на безвредность 10 к. были впрыснуты подкожно морской свинке, которая осталась здорова»¹⁷. Зачем понадобилось делать проверку французской сыворотки после смерти писателя? Не потому ли, что 25 июня Левин приобщил к истории болезни письмо Бирюкова, записки Онг-Гвае-Свяна и «Служебную записку» Боровской, сделав помету: «К истории болезни тов. М. Горького. Л. Левин. 1936. 25/VI». Не зря Горький так тепло отзывался о нем в «Предсмертных записях»: «Замечательно симпатичен др. Левин»¹⁸. Ведь благодаря ему раскрылась тайна «умерщвления» писателя.

В записях Кошенкова постоянно фигурируют фамилии 17 врачей, которые лечили Горького. Среди них «кремлевский доктор» Л. Г. Левин, Г. Ф. Ланг, А. Д. Сперанский, Н. Е. Лебедев, М. П. Кончаловский, М. Ю. Белостоцкий и др. После 8 июня у постели больного появился Д. Д. Плетнев. Они представляли две разных медицинских школы: традиционную и новаторскую. К последней принадлежали сотрудники Института экспериментальной медицины (ВИЭМ), возглавляемого Л. Н. Федоровым. Противоречивые разговоры по дороге из Горок и в доме на Никитской, которые записывал комендант, свидетельствуют, что единства мнений у врачей не было. Они делились на тех, кто верил, что можно спасти пациента, и тех, кто постоянно твердил, что он обречен. Начиная с 14 июня врачи окончательно запутались в своих оценках, создавалось впечатление, что лечат вслепую. С 13 июня, когда состояние больного снова ухудшилось, консилиум (Л. Левин, Д. Плетнев, М. Кончаловский и Г. Ланг) созывался ежедневно. И хотя все эти доктора, как доказала авторитетная комиссия экспертов в 1984 г., абсолютно не повинны в смерти Горького, зловещая тень убийства была брошена на «врачей-отравителей» не только на процессе 1938 г. Даже Крючков после смерти писателя признался: «...если бы не лечили, а оставили в покое, может быть, и выздоровел бы»¹⁹.

Итак, это была тщательно разработанная имитация естественной смерти («смерть от болезни») которую не раз применял «фармацевт» Ягода и его сообщники в 1930-х гг. В секретной лаборатории

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Там же. С. 78.

ОГПУ-НКВД хранились не только яды, но и вакцины разных болезней, в т. ч. детских, которые могли вызывать у взрослых «естественную» смерть.

Тайна смерти Горького оставалась до конца XX в. непроясненной, пока не появились новые документальные материалы из архивов Президента РФ и ОГПУ. Ставшие известными сведения о деятельности оппозиции и антисталинских заговорах заставили по-новому взглянуть на последние годы жизни Горького. Комиссия по реабилитации незаконно репрессированных много лет спустя документально установила невиновность врачей, лечивших его, но так и не реабилитировала Ягоду и его помощников. Можно сказать, что возбудителем болезни писателя, по-видимому, была бактерия из лаборатории ОГПУ-НКВД. Не слишком опасная для молодых здоровых людей и даже детей, она была смертельна для изношенного старческого организма, разрушенного туберкулезным процессом. Писатель должен был скончаться 8 июня, но не умер, однако здоровый Горький заговорщиков не устраивал. Тут и понадобилась ампула, присланная из Парижа, которая привела к летальному исходу. Тогда понятно, почему после смерти писателя стали доказывать, что она была безвредной. А начальник Лечсанупра Кремля Ходоровский не смог ни подтвердить, ни опровергнуть этого: арестованный раньше Ягоды, он не дожид до судебного процесса, скончался в тюрьме. Такова же была судьба А. И. Виноградова, лечившего М. Пешкова.

Кому же все-таки нужна была смерть Горького в июне 1936 г.: Сталину или Ягоде, который в 1930-х вел собственную игру и даже намечал новый состав правительства? А. Ваксберг пишет: «В схватке между сталинцами и “правыми” (Бухарин, Рыков, Томский) Ягода был на стороне последних»²⁰. Это подтвердил в своих показаниях сам комиссар госбезопасности. Отвечая на вопрос А. И. Рыкова, поддержит ли он борьбу оппозиционеров против Сталина, он сказал: «Я с вами, я за вас, но в силу того, что я занимаю положение зампреда ОГПУ, открыто выступать на вашей стороне я не могу и не буду. О том, что я с вами, пусть никто не знает, а я всем возможным с моей стороны, со стороны ОГПУ, помогу вам в вашей борьбе против ЦК»²¹.

Участвуя в тайном заговоре, Ягода неотступно следил за всеми событиями в доме писателя. Горький действительно поддерживал тесные контакты с деятелями оппозиции (А. Рыковым, Н. Бухариным, Л. Каменевым, М. Томским и др.), но после смерти сына и убийства

²⁰ Ваксберг А. Гибель Буревестника. М., 1999. С. 249.

²¹ Ягода Г. Нарком внутренних дел. Генеральный комиссар государственной безопасности: Сб. документов. Казань, 1997. С. 112.

Кирова замкнулся в себе. Он перестал доверять Ягоде, который боялся разоблачения и делал все, чтобы заслужить доверие Сталина. Тем не менее он сосредоточивал в своих руках силы, способные осуществить «дворцовый переворот». После следствия по делу «Клубок», когда был снят комендант Петерсон, охрана Кремля оказалась полностью в руках Ягоды. К лету 1936 г. кадры оппозиции сконцентрировались и объединились. События следовало форсировать, т.к. деятельность Ежова и подозрительность Сталина могли помешать делу.

Был ли Горький не только осведомлен о заговоре против Сталина, но и вовлечен в него? Таких данных нет ни в переписке писателя, ни в показаниях Ягоды на следствии, ни в перекрестных допросах арестованных. Более того, на допросе 28 декабря 1937 г. Ягода признался, что заговорщики боялись Горького, предполагая, что он может их выдать. По его словам, А. Енукидзе поручил ему «подготовить» смерть писателя: «“При чем тут Горький?” — спросил я. Из ответа Енукидзе я понял следующее: объединенный центр правотроцкистской организации в течение долгого времени пытался обработать Горького и оторвать его от близости к Сталину. В этих целях к Горькому были приставлены и Каменев, и Томский, и ряд других. Но реальных результатов это не дало. Горький по-прежнему близок к Сталину и является горячим сторонником и защитником его линии. При серьезной постановке <вопроса> о свержении сталинского руководства и захвате власти правотроцкистами, центр не может не учитывать исключительного влияния Горького в стране, его авторитет за границей. Если Горький будет жить, то он подымет свой голос протеста против нас. Мы не можем этого допустить. Поэтому объединенный центр, убедившись в невозможности отрыва Горького от Сталина, вынужден был вынести решение о ликвидации Горького. Выполнение этого решения было поручено мне через врачей, лечащих Горького»²².

Не будем гадать, все ли истинно в этом признании. Примем во внимание лишь то, что подтверждается фактами. Горького, действительно, не удалось посорить со Сталиным. Несмотря на охлаждение отношений после убийства Кирова, писатель по-прежнему поддерживал с вождем деловые контакты. Об этом свидетельствует их переписка, продолжавшаяся до конца мая 1936 г. Кремлевские правители по-прежнему рассчитывали на помощь Горького в проведении реформы гуманитарных наук, пропаганде достижений социализма за рубежом и поддержке новой конституции. Нужна ли

²² Там же. С. 484.

была им смерть писателя в этот момент? 3 января 1936 г., поздравляя Горького с Новым годом, Молотов писал: «Желаю Вам здоровья, что особенно необходимо в этом году, обещающим быть очень интересным и важным для нашего дела»²³. Устранив писателя, Ягода окончательно разоблачил себя в глазах вождя и жестоко поплатился за это. Арестованный по делу «правотроцкистского блока» он оказался на судебной скамье и признал свою вину в смерти Горького и его сына. Ягода был расстрелян: по приговору суда 15 марта 1938 г. и не реабилитирован до сих пор.

²³ Архив А. М. Горького. КГод-2-60-5.